

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА МАТЕРИАЛАХ ГЛЯДЯНСКОГО ВОЛОСТНОГО СУДА

В статье рассматриваются семейные отношений русских крестьян Зауралья, выявляются тенденции сохранения или изменения положения прав у разных членов семьи, общества. Автор обращает внимание на то, какие характерные изменения в жизни крестьянской семьи произошли в конце XIX – начале XX века. Основным источником данного исследования являются материалы Глядянского волостного суда.

Ключевые слова: волостные суды, семейные отношения, крестьянство, история крестьянства.

М. А. Mezencev

Student of the Department of History and Documentation, Kurgan State University, Kurgan, Russia
Scientific adviser – Candidate of History, Associate Professor I. S. Menshikov

FAMILY RELATIONS RUSSIAN PEASANTS OF THE TRANS-URALS AT THE END OF THE XIX – EARLY XX CENTURY ON THE MATERIALS OF GLYADYANSKOYE VOLOST COURT

The article deals differences in family relations of Russian peasants in the Trans-Urals, identifies trends in preserving or changing the status of rights among different members of the family and society. The author draws attention to what characteristic changes in the life of the peasant family occurred in the late XIX – early XX century. The main source of this study is the materials of the Glyadyansk Volost Court.

Keywords: parish courts, family relations, the peasantry, the history of the peasantry.

Семейные отношения русских крестьян в Зауралье в конце XIX – начале XX века представляют большой интерес для историка. Крестьянская семья как экономическая и хозяйственная единица достаточно неплохо освещена в источниках и изучена в исторической литературе, чего нельзя сказать об отношениях внутри семьи. Одним из наиболее интересных источников в этой сфере являются материалы волостных судов, куда обращались крестьяне с жалобами, в том числе и на членов семьи. Конечно, как справедливо заметила Н. А. Миненко, нельзя распространять обращения в суд или к волостной администрации как норму [7, с. 281-282]. Однако само обращение и вынесенное по нему решение суда, особенно в объясняющей части, свидетельствует о существовании норм и отмечает какая именно часть неписанных норм, представлений крестьян о «правде» была нарушена.

Нужно сказать несколько слов о волостных судах и их функции на селе. Они были созданы после отмены крепостного права для замены помещичьих судов. Со временем они были распространены и на регионы, крепостничества не было. Волостные суды рассматривали мелкие правонарушения и имущественные споры в пределах ста (позднее – трехсот) рублей. В эти суды обращались с требованием имущественных разделов и выделов, а также с жалобами на нарушения норм семейной жизни. К сожалению, многие фонды волостных судов пострадали во время Гражданской войны. Одним из наиболее хорошо сохранившихся является фонд Глядянского волостного правления, где содержится богатая и интересная информация по внутрисемейным отношениям.

В качестве примера можно привести дело о разделе имущества между братьями из деревни Мочаловой, Павлом и Егором Самсоновыми. После смерти отца три его сына: Сергей, Егор и Павел разделили его имущество следующим образом: Сергею горницу и сараи, Егору амбары и заплоты (забор) Павлу как самому младшему и несовершеннолетнему досталась изба с участком земли (усадеб). Старшим сыновьям со слов Павла община должна была выделить земли «по обычаю». Но после дележа Сергей умер, а Егора забрали в армию, тем самым он не сумел взять положенный ему надел от общины и обустроиться на нем. Придя из армии, он и Павел должны были разделить горницу своего брата Сергея и часть сараев. Но так как никто ее ломать никто не хотел, то они решили оценить ее и выкупить друг у друга. Но они разошлись в цене, так как Егор (еще не имеющий своего угла) хотел выкупить все это за меньшую цену (80 рублей за половину, вместо предложенных Павлом 125 рублей). Дело дошло до суда [1. л. 15-16]. Этот случай интересен тем, что у наследников есть доли в доме, который даже можно разделить. В исследуемый период разделение семей было уже в порядке

вещей в среде зауральских крестьян. Хотя судя по тому, что братья решили разделиться только после смерти отца, означало, что они успели пожить со своим отцом в патриархальной семье, а после его смерти не стали избирать большака и решили отделиться друг от друга, поделив наследство. Несмотря на то, что крестьяне поддерживали контакты с родственниками, но хозяйственно-экономические связи уже ведутся раздельно. Кроме того, надо обратить внимание на то, что при разделении учитывались интересы слабых, несовершеннолетних членов семейства.

Такое отношение к несовершеннолетним членам семьи наблюдается не только при разделе наследства, как в описанном случае, но и при описях имущества, где в постановляющей части обычно указывается, что именно разрешено продать. Вот, например, в описях можно обнаружить такое заключение: «Поскольку для пропитания детей самовар необходим, то ... из описанного имущества продать ничего нельзя» [4, л. 28-29]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что младшие – несовершеннолетние члены семьи защищались общиной от голодной смерти и от риска потерять кров над головой.

Кроме того имели место быть случаи опеки, причем не только детей. Например, в 1885 г. в Глядянском волостном суде разбиралось дело об отобрании имущества. Иск был предъявлен к родной бабушке, которая выгнала истца из дома, а имущество раздала по соседям. Истец просил вернуть имущество обратно, а бабушку истец обязался кормить до смерти и из дома не выгонять. Суд удовлетворил просьбу истца. Кроме того, суд приговорил эту бабушку за оскорбление судей и неподчинение закону подвергнуть аресту на двое суток. Видно, бабушка была очень недовольна решением суда [6, с. 43].

Стоит отметить, что крестьяне довольно спокойно относились к идее передачи своих семейных имущественных споров на рассмотрение в волостных судах. Однако не всегда были довольны их решением, проявляя при этом знание принципов обычного права, даже если они не умели писать. Так, при разделе горницы упомянутый выше Павел, проиграв первый суд, обвинил брата в сговоре с судьями, так как они дали Егору не только горницу (с обязанностью уплатить Павлу 75 рублей), но и землю: Таким образом, брату присудили то о чем он не просил, да и не имел права, так как он против прежнего добровольного раздела, претензии не имел». В связи, с чем он и направил жалобу на уездный съезд крестьянских начальников, где он указал что дело, было неподсудным для волостного суда, поскольку сумма рассматриваемого имущества составила более 100 рублей. Возможно, Павел сам мог и не владеть такими знаниями, так как он был неграмотен и ему в написании письма помог односельчанин Петр Гладков, который мог проконсультировать его [1, л. 15-18]. Чем закончилось это дело – неизвестно, так как после передачи его в Глядянский волостной суд, оно было изъято после жалобы крестьянскому начальнику. Либо все разрешилось миром, либо дело данный спор был переведен на судебные инстанции повыше.

Стоит рассмотреть еще одно дело, которое касается семейных отношений. Это иск крестьянки села Ялымского Марии Кузнецовой об изъятии имущества у мужа Николая и тестя Савелия 84 рубля 60 копеек. Исходя из содержания дела становится ясно, что между молодыми произошел разлад, Мария решила вернуть все свое приданное доставшееся ей «от замужеству от отца». Однако судя по количеству приданного жены и его составляющим брак был отнюдь не равным, так как среди списков имущества жены были шелковые, кашемировые ткани и изделия из них, шуба суконная, а так же иное имущество, что в общей сумме было на 84 рубля 60 копеек, хоть позже суд и сбил цену до 79 рублей 60 копеек. Эта сумма превышала все имущество, что было отдельно у мужа. Так же в качестве доказательства малоимущества ее мужа следует то, что дом у Николая изготовлен из самана, вследствие чего он при плохой теплоизоляции растрескивался при сильных морозах и дом был холоднее, нежели обычный деревянный, а так же намного дешевле – 10 рублей (меньше стоимости коровы). В деле не указана причина развода между Натальей и Николаем. Возможно, этот брак изначально был основан на любви, но со временем привыкшая к более комфортной жизни Наталья решила развестись с мужем, забрав свое приданное. Возможно, и то, что предъявленное обвинение к мужу и тестю было из-за их самоуправства с вещами потерпевшей (их продаже и т. д.) или разгульного образа жизни в связи, с чем хозяйство Николая было в плачевном состоянии. Дело Мария выиграла, обязав супруга и тестя уплатить ей недостающие деньги [3, л. 3-6]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что приданное было неприкосновенным имуществом женщин, выходящих замуж, и они могли отстаивать права на него.

В подтверждение этого тезиса следует рассмотреть следующее дело. По иску крестьянина села Глядянского Екима Подкорытова к крестьянину деревни Межборной Панфилу Кардаполову имущества на 34 рубля 95 копеек за приданное при выдаче за муж дочери его Агафьи. Он выдал дочь замуж по обряду староверов, но через 9 дней после свадьбы дочь разошлась с мужем так как ночью возникла ссора, он начал ее давить и истязать, она после этого собрала в кошель оставшееся свое имущество

ушла к крестьянину Александру Ломовских в дом. Через некоторое время туда явились муж с братом Василием, взяли кошель и убежали домой. После часть вещей изъяли, но не досчитались указанной суммы. Суд, приняв показания свидетелей и участников событий, обязал взыскать с Кардаполовых 34 рубля 95 копеек сроком уплаты в 30 дней [2, л. 6-9]. Интересно это дело тем, что брак молодых был заключен по старообрядческому обычаю, не совсем понятно были ли Еким и его дочь Агафья старообрядцами или брак с Панфилом был браком разных конфессий, что к тому времени было не таким редким. Так или иначе, с точки зрения писаного права такой брак не считался законным.

В случаях домашнего насилия далеко не всякая женщина могла заявить на мужа в волостной суд за побои, чего и не стала делать Агафья, однако были и исключения. Как правило, суд вставал на сторону мужчины даже в самых тяжелых случаях и женщины нередко сами заканчивали дело миром. Например, в деревне Подкорытовой Надежда Гурьевская пожаловалась на своего мужа Николая за то, что он взял у нее 15 руб., да еще побил «палкой толщиной пальца в два». Муж заявил, что это Надежда выбежала с криком, схватила палку и ударила его. Тогда он выхватил эту палку «и ее немного побил». Еще до суда стороны помирились. Надежда заявила: «сейчас я на него никаких жалоб не имею», а Николай утверждал: «в настоящее время мы с ней помирились». Дело кончилось полным примирением, что вполне соответствовало обычаю [6, с. 37]. В деревне Малая Белая крестьянин Павел Григорьев нанес 17 августа 1864 г. своей жене побои обухом топора «так что она находится в отчаянном положении». Дело оставлено без последствий [7, с. 91].

Резюмируя, стоит отметить, что семейные отношения зауральских крестьян имеют сходство с крестьянами Европейской России, однако процессы раздела больших семей случались чаще. Община сохраняла функции надзора за порядком в семье, эта функция была узаконена в решениях волостных судов. Они не только хранили традиционные нормы, но старались защищать более слабых членов семьи (дети, женщины, старики).

Литература

1. ГАКО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАКО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 16.
3. ГАКО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 24.
4. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 363.
5. Менщиков И. С., Максимов В. А. Социальные девиации в русской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX века (по материалам волостных судов) // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 2. – С. 35-38.
6. Менщиков И. С., Федоров С. Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – 134 с.
7. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1979. – 352 с.